

Н. В. Шестеркина

Саранск, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЗАГАДКИ

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается история появления немецких и русских загадок — представителей текстов «малой формы». Загадки считаются локусом сохранения архаизмов, следов язычества, реликтами поэтического языка.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *народные загадки; немецкий язык; русский язык; источники загадок; коллективная память; мифорелигиозная картина мира.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Шестеркина Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.*

Адрес: 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, 68, корп. 1, каб. 655.

Email: nvshest@mail.ru.

N. V. Shesterkina

Saransk, Russia

FORMATION OF GERMAN AND RUSSIAN RIDDLE

ABSTRACT. *In the article the history of origin of German and Russian riddles — representatives of «minor form» texts is reviewed. Riddles are considered a locus of preservation of archaisms, traces of paganism, relicts of a poetic language.*

KEYWORDS: *folk riddles; German language; Russian language; sources of riddles; common memory; myth-religious view of the world.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shesterkina Natal'ya Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Theory of Speech and Translation, Ogarev Mordovia State University.*

Народная загадка как один из паремиологических жанров дискурсивного пространства языка представлена относительно закрытым списком текстов малой формы, создающихся по законам своего жанра и отражающих коллективную память, передаваемую «по наследству» как часть общенационального достояния [Иванов 2009: 324]. Жанровая специфика произведений

«малых форм» литературы, письменно зафиксированных текстов, помогает создавать условия для их анализа в диахронии и синхронии, поскольку такие «характеристики как формульность, ограниченный инвентарь ключевых слов, легко поддающаяся описанию семантика помогают сопоставлению текстов одного и того же жанра в разных традициях» [Топорова 2002: 7–8]. Загадки являются поэтическими произведениями, а «метрическая форма в значительной мере моделировала язык» [Там же], поэтому такие малые формы фольклора считаются локусом сохранения архаизмов, следов язычества, некоторые являются реликтами индоевропейского поэтического языка. Их древность предполагает сохранение «осколков» языческого мировоззрения и отражение мифопоэтической модели мира. Следовательно, загадки имеют вполне достаточный материал для восстановления как древних мифологических, так религиозных и фольклорно-языковых картин мира.

Термины традиционной фольклористики народная загадка и истинная, настоящая (*echte*) загадка представлены в немецком и русском языках терминологическими аналогами (В. П. Аникин, Н. И. Кравцов, А. А. Потебня, В. В. Митрофанова, С. Я. Сендерович, А. Тэйлор). Исследованию загадок посвящено довольно большое количество работ. Так, В. Н. Топоров, в частности, изучал архаические мифопоэтические корни загадки в большом количестве работ [с 1994 по 2006], в то время как С. Я. Сендерович интерпретирует загадку как «фигуру сокрытия, связанную с табуированием номинаций и описания некоторых объектов» (цит. по: [Фролова 2014: 500]). В средневековой культуре загадка выступает способом преобразования «чудесного» [Неретина 1994], средством миромоделирования (М. О. Абдрашитова, М. Е. Бохонная, С. С. Кондрашова), одним из средств отражения ЯКМ (В. Г. Сибирцева, Т. В. Топорова, Т. С. Кузнецова, Л. А. Ноздрина, Е. А. Селиванова) и отражением мифологического сознания [Шестеркина 2010].

В рамках жанрового подхода загадка анализируется как двухчастный текст [Фролова 2014: 500], как текст с неназванным денотатом [Левин 1978: 283] или как текст, состоящий из образной части (загадки) и означаемого (отгадки) [Кёнгэс-Маранда 1978: 258; 1984]. Загадка рассматривается также как текст с нарушенным изоморфизмом между загаданной (отгадка) и преобразованной ситуациями, как «общее высказывание, содержащее только рему <...>, а тема подлежит отгадыванию» [Журинский 1989: 7; Волоцкая, Головачева 1995: 221]. В данном ракур-

се исследовались ведийские загадки [Елизаренкова, Топоров 1984], немецкие загадки и кроссворд (М. В. Волкова, Е. А. Селиванова), загадки в сказочном дискурсе (Н. Г. Титова), а также трансформации русских загадок (А. В. Насыбулина), семантические структуры восточных загадок (А. Н. Журинский), языковые особенности осетинских загадок (Цаллагова), семантические и синтаксические структуры украинской народной загадки (Г. Я. Онищенко) и др.

Загадка представляет несомненный интерес как объект *семиотического* исследования, ибо загадка — это намеренно измененное описание реальности, отражающее сознательную зашифрованность отношения знака (текста загадки) к денотату (отгадке) [Левин 1978: 166]. *Структурный* подход оперирует идеей двусоставности, при этом считается, что загадка как структурная единица объединяет как образную часть, так и отгадку.

В *диахронии* двучленная структура загадки (обмен *вопрос-ответ*) отсылает нас к архаическим ритуалам и к обществу архаического типа, предполагающему «*дуальный тип* организации, функционирующий и контролируемый при помощи универсального обмена — вещами, женщинами, словами и т. п.» [Елизаренкова, Топоров 1984: 21], что указывает на происхождение загадки из древнейшего диалога, словесного поединка с вопросами и ответами, которые чередуются в лаконичной форме «*фразы-загадки*» [Фрейденберг 1997: 164] из примитивных споров и прений. Загадки связаны с ритуалами перехода, прежде всего от старого года к новому. Во время Святков наступал хаос, и неизвестно, возродится ли свет, «и только особый ритуал перехода может заново воссоздать Космос со всеми этапами его становления» [Елизаренкова, Топоров 1984: 30]. Самые древние загадки составляли «словесную партитуру особой магии и ритуала» [Там же], который совершали жрецы в предновогоднюю ночь, *обмениваясь загадками* [Мечковская 1998: 107]. В ритуале встречи нового года воспроизводились космогонические представления: времени хаоса противопоставлялись чтение фольклорных текстов и действия, содержащие представления о структуре мира. С учетом характера архаического сознания, произнесение таких текстов и совершение определенных действий было магическим «подкреплением» [Елизаренкова, Топоров 1984: 21] процесса миротворения. Загадывание в ходе ритуала отмечено во многих традициях как особого вида ритуальные словесные поединки или жреческие словопрения, бывшие «словесной частью ритуала», которая по-

строена «в виде вопросов и ответов», что соответствует «загадке и отгадке на тему структуры космоса» [Там же].

Истоки формирования жанра загадок сложились в глубокой древности, и загадывание носило ритуальный характер. По мнению Э. Б. Тайлора, под загадкой следует понимать «те построенные на старинный лад задачи, на которые должен быть дан вполне серьезный ответ, а вовсе не современную, сводящуюся обычно к пустой шутке игру слов в традиционной форме вопроса и ответа» [Тайлор 2000: 22, 25], ибо сочинение загадок так связано с мифологическим периодом в истории, что всякое поэтическое сравнение, если оно не очень темно и отдаленно, при небольшой перестановке может стать загадкой. Загадки, построенные на иносказании, сравнении, метафоре, аллегории, содержат закодированную информацию о явлениях природы и качествах предметов.

У древних германцев загадки, денотатами которых были элементы космизированной вселенной, использовались в поэтических поединках, приуроченных к смене старого года новым. Но со временем эти поединки были заменены состязаниями в скальдическом мастерстве импровизации [Скальдическая поэзия [http](http://)], где на карту ставилась не жизнь, а слава противника [Топорова 2002: 121; Гуревич, Матюшина 2000: 46]. По мнению исследователей [Panzer 1934: 263–282; Petsch 1938: 132–157], немецкие загадки не были связаны с какими бы то ни было запретами, а своей систематизацией они обязаны ученым, заинтересованным в сохранении немецкой письменной традиции. Составление и издание сборников, где народное смешалось с научным (*Volkstümliches mit Gelehrtem*), началось только на исходе Средневековья. Известно несколько источников немецких загадок:

1. Латинские загадки, большое количество которых в древности можно было обнаружить у англосаксов. Переводы этих загадок, появившиеся в Англии в VIII в., имели отношение к римским пьесам позднеантичного периода и английским пьесам, где встречались загадки о библейских героях; среди них были и обычные загадки о животных, море, войне [Panzer 1934: 275–276].

Показательной для латинской языковой культуры Альбиона в VII в. стала новационная коллекция поэтических *Загадок* англосакса Альдхельма (монаха из Малмсбери), отражающая глубокое знание восточнохристианской патристики, жанровых моделей африканской и латинской раннехристианской словесности, натурфилософских и мифологических представлений

позднеантичной культурной парадигмы. Важной чертой цикла является «естественность» выбора германским автором предметов и явлений для своих литературных «энigm», напоминающих предметную сферу архаических индоевропейских и фольклорных загадок. Религиозные сюжеты *Загадок* и их христианские образы значимы в содержательном плане, однако их количество не превалирует над светскими позднеантичными описаниями [Сазонова 2010: 325–326, 329–331].

2. Исландский эпос «Старшая Эдда», где загадки имеют традиционную для того времени форму вопросно-ответного диалога между верховным богом скандинавского пантеона Óдином и мудрейшим и всезнающим великаном Вафтрудниром (др.-исл. *Vafþrúdnir*). Ставкой в споре была жизнь [Panzer 1934: 275–276], «eine Probe auf Tod und Leben» [Röhrich 2002: 175].

3. Исландская «Сага о Хервёр и Хейдрек» (*Saga von Hervor und dem König Heiðrek*) [Топорова 2002: 276], изображающая архаический ритуал с поставленной на кон жизнью. Исполнителем загадок выступает Óдин, принявший имя «Слепой гость» (др.-исл. *Gestumblindi*), его противник — король Хейдрек. В саге отражается акт самовоплощения Óдина, что придает произведению космогонический оттенок [Там же: 15]. Сага стала источником неразрешимых загадок — *Halslöserätsel* (по Сендеровичу — «шееспасительная» загадка [Сендерович 2008: 14]). Й. Даль пишет: «Die Welt ist ein Rätsel — und leben heißt, eine Antwort finden auf die Fragen des Woher, Wohin und Warum. Wer das Rätsel löst, darf leben» [Dahl 1965: 7]. Благодаря исландским сагам появились загадки о явлениях природы и мифических существах.

Брошюры с загадками для развлечения появились уже в начале книгопечатания, например, первый немецкий сборник загадок «Eine neue Spinnstub oder Rätselbüchlein» (1505), книга Й. Гереса «Die teutschen Volksbücher» (1807), представлявшая материал XVI в., или старинные немецкие загадки «Deutsches Rätselbuch» (3 изд., 1874). Позже под влиянием книг Священного Писания появилось много произведений, содержание которых составляли «мудрые вопросы» о библейских предметах и о происхождении всего сущего, как например, *Wartburgerkrieg*, включающая множество загадок (о грешниках, вере и неверии, и проч.), стихотворение XIV в. *Trougemund*, где повторяется распостраненный мотив о состязании в загадках между много странствовавшим путником и его хозяином и др. В 1856 г. Р. Кёлером была издана книга загадок на материале Веймарской ру-

кописи, содержавшей ряд вопросов о религии, часть свадебной песни *Trougemundslid* и несколько загадок. Первое научно обоснованное собрание народных загадок представлено в работе Р. Воссидло «Volkstümliches aus Mecklenburg» (1885).

В большинстве средневековых загадок отражены религиозные толкования раннего христианства. Романтики возвели загадку к мифическим и культовым сферам. Так, А. Жолле подчеркивает связь между загадкой и мифом: «Миф есть ответ, в котором содержится вопрос; загадка есть вопрос, требующий ответа» [Jolles 1968: 58] (*Перевод наш.* — Н. Ш.). Данное мнение разделяет Й. Даль: «Die Urformeln des Rätsels sind dem Zauberspruch benachbart: das Rätsel spricht in Bildern, und Bildersprache war die Sprache einer Welt, in welcher der Zauber noch Macht hatte. Die seit langem verschüttete Welt des magischen Bewußtseins war ein verwirrend rätselhaftes Flechtwerk von Symbolen, die sich durch ihre wirkende Kraft vom bloßem Anders-Sagen der Metapher unterscheiden» [Dahl 1965: 6]. Мотив «предзнания» указывает, по сути, на избранность тех, для кого предназначался текст загадки, посему загадка — это ключ к посвящению, а таинственный язык загадки лежит в сфере магии [Peuckert 1938: 3–11]. Ф. Панцер интерпретирует загадку как вторичную форму, не имеющую корней (eine unursprüngliche, abgeleitete Form): «Es soll seinen Ursprung haben im Traum und seiner Deutung, wie er nach alten religiösen Urkunden, etwa der biblischen Erzählung von Josef und Pharao, als ein ernsthaftes Geschäft betrieben wurde. Oder man erklärt als seine Vorfahren jene alten „Weisheitsfragen“, Fragen nach religiösen Dingen und kultischen Geheimnissen, wie sie etwa im Rigveda oder in Eddaliedern... begegnen. Danach wäre das Rätsel ähnlich wie man es früher für unsere Heldensage angenommen hat, aus dem Bereiche des Mythischen hervorgegangen...» [Panzer 1934: 278–279]. По Ф. Панцеру, загадка в своей способности видеть мир имеет нечто, сближающее ее с мифологией. Сущность же ее в том, что отгадка должна быть известна как спрашивающему, так и отвечающему [Там же: 279].

Необходимо отметить, что состязания в загадывании распространены в народном эпосе и созданной под их влиянием книжной литературе, поэтому такая литература «вопросов и ответов» была у всех народов: в индийской поэзии и в «Эдде» встречаются одинаковые мотивы.

Придворные миннезингеры в XIII–XIV вв. пользовались материалом народных загадок и античным наследием. Во главе плеяды поэтов стоял Р. фон Цветер (1200–1260 гг.), сочинивший пять загадок, две из которых относятся к старинной теме календарного года из народного представления о мире, где год имеет вид *повозки на двенадцати колесах* (ср. похожую загадку у древнегреческого поэта Клеобула Линдского (ок. 600 г. до н. э.)). Во второй загадке к году прибавляются четыре времени года. Загадки Кольмарской рукописи (XV в.), авторы которых принадлежали к мейстерзангу («Frauenlob» и «Regenbogen» [Tomasek 1994: 309–313]), посвящены как религиозным, так и светским проблемам. Они включают традиционный мотив календарного года, но уже в виде *дерева с двенадцатью ветвями*.

В эпоху Гуманизма загадка вновь обращается к Античности. Так, неизвестным автором был издан школьный учебник «Aenigmata et griphi veterum et recentium» (1640), включающий также латинские тексты загадок Альдхельма. Настоящим прорывом в исследовании немецкой загадки была работа В. Вакернагеля (1843), опубликованная в журнале «Zeitschrift für deutsches Altertum» (том 3).

Время расцвета немецкие загадки пережили в XVIII–XIX вв., когда их сочинителями выступали известные писатели и философы (К. Brentano, Ф. Шиллер, В. Гауфф, А. Шопенгауэр и др.). Большим остроумием отличаются загадки Гебеля и Шлейермахера, Шмидлина и других поэтов. В театральных пьесах, например, в пьесе К. Гоцци «Турандот», обработанной Ф. Шиллером, большую роль играли вышеупомянутые *Halslöserätsel*, или *Turandottyp-Rätsel* (где неразгадавшему грозит смертельное наказание) [Grümmer 1985: 134–154]. Появляются и шуточные вопросы-загадки, приближающиеся по содержанию к Unsinnproesie [Нонсенс-поэзия [http](http://)].

Немецкая загадка как объект исследования впервые встречается в работах Р. Петча [Petsch 1899], выделившего *ненастоящие (unechte)* загадки (*Weisheitsproben, Scherzfragen*) и группу загадок без решения (*Halslöserätsel*), которые были отнесены им к псевдозагадкам. Настоящие, истинные (*echte*) загадки, по мнению Р. Петча, должны иметь решение. Истинна и загадка-стихотворение (*Rätselspruch*). Р. Петч четко разделяет авторскую и народную загадки на основе принципиальных стилистических различий.

В работах Ф. Панцера загадки подразделяются на настоящие (*echte*) и ненастоящие, «кажущиеся, мнимые»

(*Scheinrätsel, unechte*), включающие также «шутливые» вопросы (*Scherzfragen*), в которых нет замены-уподобления, нет признаков, помогающих отгадке, а есть парадокс [Panzer 1934: 263–264]. Ф. Панцер предложил следующую классификацию немецких загадок: 1) предметы быта; 2) важные сооружения (мосты, колодцы и т. д.); 3) год и все с ним связанное; 4) одежда и обувь; 5) домашние животные; 6) растения и плоды; 7) продукты питания; 8) профессии; 9) явления природы (огонь, свет, тень, дым, пепел; ветер, дождь, радуга, роса, туман, снег, лед, море, солнце, луна и звезды); 10) религиозные понятия [Panzer 1934: 271]. У Й. Даля на первом месте — космос, с которого все начинается, затем — растительный и животный мир (2, 3). Следующие места занимают: 4) сам человек; 5, 6, 7) предметы, необходимые человеку; 8) вера и мышление и 9) шутки [Dahl 1965: 9].

Данные классификации интересно сравнить с латинским структурно-энигматическим универсумом Альдхельма, разделенным на «физический» мир природы и «искусственную» сферу предметов и бытовых реалий. Иерархия природного мира «спускается» от объектов неба через четыре первоэлемента к метеорологическим явлениям поднебесья и минералам, что стало новацией автора, где уникально раскрыта тема стихий-первоэлементов для живого и неживого мироздания как единого универсума с божественным природным миром и артефактами цивилизации [Сазонова 2010: 332–334].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что Ф. Панцер, Р. Петч и Й. Даль относят к загадкам также *Rätsellieder* (песни-загадки) — *Wett- und Wunschlieder*, в которых задаются вопросы относительно мироустройства [Dahl 1965: 6; Röhrich 2002]. Мы разделяем мнение этих авторов и в своем исследовании также обращаемся к народным песням-загадкам.

В связи с тем, что многие немецкие исследователи рассматривают литературные загадки как один из источников пополнения корпуса загадок и включают их в сборники без указания фамилии авторов наравне с народными, объектом нашего анализа служат как народные, так и литературные загадки, объединенные в сборниках.

Что касается русской народной загадки, то ее систематизация началась значительно позже, чем немецкой, ибо «даже в XVII веке, когда на страницах рукописей появляются записи былин, сказок, песен, целые собрания пословиц, записей загадок почти нет» [Митрофанова 1968: 5–7]. Сведения о загадках брали

из собраний пословиц, куда загадки, утратив отгадку, попадали в силу своей афористичности и краткости. О загадках XVIII в. также известно не очень много, хотя в это время уже были распространены печатные и рукописные сборники загадок, служащие для развлечения. Однако подлинно народные загадки в такие сборники не были включены.

Собирание и последующее издание народных загадок в крестьянской среде наблюдается с середины XIX века. К числу первых собирателей можно отнести А. М. Сементовского (1872) и И. П. Сахарова (1885), В. И. Даля, который в своем первом сборнике не отделял загадок от пословиц (1861–1862), но в переиздании 1957 года загадки уже отнесены в особый раздел. Почти одновременно с первым изданием В. И. Даля появился сборник И. А. Худякова (1864), который полностью включил в свой сборник загадки, изданные В. И. Далем и, за некоторым исключением, материал И. П. Сахарова. В 1932 году появляется сборник загадок М. А. Рыбниковой, включающий материал на основе географического принципа (1932). С середины XIX в. загадки, собранные как профессионалами, так и любителями, также печатаются в журналах, газетах и брошюрах.

Загадку можно отнести к тому благодатному материалу, который привлек внимание многих исследователей в разном научном контексте. К упомянутому выше сборнику М. А. Рыбниковой прибавилась целая серия работ по изучению загадки — от материалов полевых экспедиций (В. И. Цинциус, О. С. Воскобойников, А. И. Пичков) до специальных исследований (В. П. Аникин; Д. Н. Садовников; В. Митрофанова). Вышли в свет научные издания загадок многих народов России: украинских (П. Березовский), марийских (А. Е. Китиков), мордовских (К. Т. Самородов), белорусских (А. С. Федосик), якутских (С. П. Соловьева-Ойунская) и др.

Необходимо подчеркнуть сложность и смысловое многообразие состава русских народных загадок, что нашло отражение при подготовке самого полного издания загадок В. В. Митрофановой [Загадки 1968], включающего около 40 тысяч единиц из печатных и рукописных источников. Однако только шесть тысяч из них представляют собой самостоятельные тексты, остальные являются их вариантами и отличаются лишь некоторыми разночтениями грамматики или различием эпитетов. По своему содержанию загадки охватывают видимый мир вещей и явлений, «незначительных», но близких и необходимых человеку. Загадки записывались, в основном, в среде крестьян, поэто-

му в них отражены деревня, крестьянский труд, животные и растения, явления природы и пр. [Митрофанова 1968: 9–10].

Русское слово *загадка* имеет ментально-вербальные параллели в других языках, например, др.-исл. *gáta* 'загадка', *gæta* 'гадать' и р. *загадка*, *гадать* < слав. **gadati* 'гадать, предсказывать, говорить, болтать, тараторить' [ЭССЯ 6, 1979: 77–78], кодирующие особый тип речи, использовавшиеся в сакральных высказываниях (ср. ди. *gá-thā-* 'песнь, речь сакрального типа') [Топорова 2002: 10]. Германские обозначения загадки — н. *Rätsel*, нидерл. *raadsel*, а. *riddle* соотносятся с гот. *rēdan*, др.-исл. *raða*, да. *rædan*, днн. *rātan* 'советовать, рекомендовать, отгадывать' < ие. **rē-dh-*, **rō-dh-* [IEW: 59–60].

Изучение вербально-ментального содержания загадок чрезвычайно важно для декодирования концептосферы архаического общества: «Загадки как жанр <...>, независимо от времени их письменной фиксации, отражают мифопоэтическую модель мира, в которой и возникла сама ситуация загадывания в форме ритуальных прений “живота” со смертью, своеобразных словесных поединков между вопрошающей и отвечающей сторонами об устройстве мироздания. Загаданные концепты представляют собой алфавит модели мира, весь состав макрокосма и микрокосма» [Топорова 2002: 160–161]. По Е. А. Селивановой, «загадка является дискурсом, представляя собой диалогическое единство собственно загадки и отгадки, погруженное в интерактивное пространство коммуникативной ситуации, знаковым посредником которой служит текст, подающий в превращенной или неполной форме описание загадываемого денотата, регламентируемого коммуникативными стратегиями подсказки и шифровки» [Селиванова 2014: 152].

В загадке важное место имеет идея жизнеобеспечения человека в его естественном окружении — природа и материальный мир (т. е. то, в чем существует человек, и то, что его обслуживает). Социодискурсивное пространство загадки имеет «постоянный набор автохтонных доминант, среди которых неизменным на протяжении всей ее эволюции остаются домены ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ВЕЩЬ и ВРЕМЯ / ПРОСТРАНСТВО» [Приходько 2009: 70]. Для анализа в первую очередь интересны домены «Природа» (природные явления, [перво]стихии, ландшафт, флора, фауна), «Время / Пространство» (космос, время, пространство) и «Вещь». Домен «Природа» широко представлен в народных загадках, хотя имя русского и немецкого макрокон-

цепта ('природа' и 'Natur') в самом домене не фигурирует, там реализуются концепты, организующие важные для нас промежуточные ментальные сущности — природные явления и стихии.

Домен «Время / Пространство» относится к онтологическим сущностям, с их помощью человек структурирует свой жизненный мир. Обе сущности сложились как естественные категории: во-первых, в их основании еще сохраняется определенное чувственное начало и, во-вторых, они развивались согласно принципам фамильного сходства [Там же: 72, 76].

Таким образом, загадка — универсальное явление, построенное на одинаковом базисе и имеющее похожие функции у разных народов, независимо от их вероисповедания. Можно отметить также их неравномерное появление и становление у разных наций.

ЛИТЕРАТУРА

Волоцкая З. М., Головачева А. В. Языковая картина мира и картина мира в текстах загадок // Малые формы фольклора. — М., 1995. С. 218–244.

Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия формы // Поэзия скальдов. — М.: РГГУ — ИМЛИ, 2000.

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Паремииологические исследования. — М., 1984. С. 14–46.

Журинский А. Н. Семантическая структура загадки: Немегафорические преобразования смысла. — М.: Наука, 1989.

Загадки 1968 / сост. В. В. Митрофанова. — Л.: Наука, 1968.

Иванов В. В. О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов // Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. — М.: Знак, 2009. Т. 5: Мифология и фольклор. С. 323–326.

Кёнгэс-Маранда Э. Логика загадок // Паремииологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст). — М.: Наука, 1978. С. 249–282.

Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). — М., 1978. С. 283–314.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. — М.: ФАИР, 1998.

Митрофанова В. В. Введение // Загадки. — Л.: Наука, 1968. С. 5–17.

Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. — М.: Гнозис, 1994.

Нонсенс-поэзия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fege.narod.ru/termini/Unsinnpoesie.htm>.

Приходько А. Н. Немецкая народная загадка и ее концептосистема // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. — Севастополь: Рибэст, 2009. С. 70–79.

Сазонова А. А. Трансляция латинской интеллектуальной традиции // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы). — М. : Кругъ, 2010. С. 323–361.

Селиванова Е. А. Проблема дефиниции загадки // Науковий вісник Міжнародного гуманіт. університету. Сер. Філологія. — 2011. № 9. С.150–154.

Сендерович С. Я. Морфология загадки. — М., 2008.

Скальдическая поэзия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ulfdalir.ru/linarature/0/735/1934>.

Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. — Смоленск, 2000.

Топорова Т. В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. — М. : ИМЛИ РАН, 2002.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. — М. : Лабиринт, 1997.

Фролова О. Е. Числовой код в загадке // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. — М. : ЛЕНАНД, 2014. С. 500–507.

Шестеркина Н. В. Фольклорные тексты в структуре вербального мифологического сознания. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / О. Н. Трубачёв, А. Ф. Журавлёв. — М. : Наука, 1979. Вып. 6.

Dahl J. Es steht hinterm Haus: Deutsche Rätsel aus dem Volksmund und von unbekanntem Verfassern gesammelt. — Frankfurt am Main, Hamburg, 1965.

Grümmer G. Die Rätselspiele [Electronic resource] // Grümmer G. Spielformen der Poesie. — Leipzig, 1985. S. 135–154. — Mode of access: www.derfaulepoet.de.

IEW — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bern, München : Francke Verlag, 1959. Bd. 1–2.

Jolles A. Einfache Formen : Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Sprüche / vierte Aufl. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1968.

Panzer F. Das Volksrätsel // Spamer A. Die deutsche Volkskunde. 1. Band. — Leipzig : Berlin : 9. Stubenrauch, Verlagsbuchhandlung, 1934. S. 263–282.

Petsch R. Spruchdichtung des Volkes : Vor- und Frühformeln der Volksdichtung : Ruf, Zauber- und Weisheitsspruch, Rätsel, Volks- und Kinderreim. — Halle / Saale : Max Niemeyer Verlag, 1938.

Peuckert W.-E. Deutsches Volkstum in Märchen und Sage, Schwank und Rätsel. — Berlin : W. de Gruyter, 1938.

Röhrich L. Gesammelte Schriften zur Volkslied- und Volksballadenforschung. — Münster ; New York; München ; Berlin, 2002. — S.165–201.

Tomasek T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter. — Tübingen, 1994.

REFERENCES

- Volotskaya Z. M., Golovacheva A. V. Yazykovaya kartina mira i kartina mira v tekstakh zagadok // *Malye formy fol'klora*. — M., 1995. S. 218–244.
- Gurevich E. A., Matyushina I. G. Poeziya formy // *Poeziya skal'dov*. — M. : RGGU — IMLI, 2000.
- Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N. O vediyskoy zagadke tipa brahmodya // *Paremiologicheskie issledovaniya*. — M., 1984. S. 14–46.
- Zhurinskiy A. N. Semanticheskaya struktura zagadki: Nemetaforicheskie preobrazovaniya smysla. — M. : Nauka, 1989.
- Zagadki 1968 / sost. V. V. Mitrofanova. — L. : Nauka, 1968.
- Ivanov V. V. O nekotorykh printsipakh sovremennoy nauki i ikh prilozhenii k semiotike malykh (korotkikh) tekstov // Ivanov V. V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. — M. : Znak, 2009. T. 5 : Mifologiya i fol'klor. S. 323–326.
- Kenges-Maranda E. Logika zagadok // *Paremiologicheskiy sbornik. Poslovitsa, zagadka (struktura, smysl, tekst)*. — M. : Nauka, 1978. S. 249–282.
- Levin Yu. I. Semanticheskaya struktura zagadki // *Paremiologicheskiy sbornik. Poslovitsa. Zagadka (struktura, smysl, tekst)*. — M., 1978. S. 283–314.
- Mechkovskaya N. B. Yazyk i religiya. — M. : FAIR, 1998.
- Mitrofanova V. V. *Vvedenie // Zagadki*. — L. : Nauka, 1968. S. 5–17.
- Neretina S. S. Slovo i tekst v srednevekovoy kul'ture. *Istoriya : mif, vremya, zagadka*. — M. : Gnozis, 1994.
- Nonsens-poeziya [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://fege.narod.ru/termini/Unsinnpoesie.htm>.
- Prikhod'ko A. N. Nemetskaya narodnaya zagadka i ee kontseptosi-stema // *Izmenyayushchayasya Rossiya i slavyanskiy mir: novoe v kontseptual'nykh issledovaniyakh*. — Sevastopol' : Ribest, 2009. S. 70–79.
- Sazonova A. A. *Translyatsiya latinskoy intellektual'noy traditsii // Intellektual'nye traditsii antichnosti i srednikh vekov (issledovaniya i perevody)*. — M. : Krug, 2010. S. 323–361.
- Selivanova E. A. Problema definitsii zagadki // *Naukoviy visnik Mizhnarodnogo gumanit. universitetu. Ser. Filologiya*. — 2011. № 9. S.150–154.
- Senderovich S. Ya. *Morfologiya zagadki*. — M., 2008.
- Skal'dicheskaya poeziya [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.ulfdalir.ru/linerature/0/735/1934>.
- Taylor E. B. *Mif i obryad v pervobytnoy kul'ture*. — Smolensk, 2000.
- Toporova T. V. *O drevneislandskikh kosmologicheskikh zagadkakh kak fenomene yazyka i kul'tury*. — M. : IMLI RAN, 2002.
- Freydenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra*. — M. : Labirint, 1997.
- Frolova O. E. *Chislovoy kod v zagadke // Logicheskiy analiz yazyka: Chislovoy kod v raznykh yazykakh i kul'turakh*. — M. : LENAND, 2014. S. 500–507.
- Shesterkina N. V. *Fol'klornye teksty v strukture verbal'nogo mifologicheskogo soznaniya*. — Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2010.

ESSYa — Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavianskiy leksicheskiy fond / O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev. — M. : Nauka, 1979. Vyp. 6.

Dahl J. Es steht hinterm Haus: Deutsche Rätsel aus dem Volksmund und von unbekanntem Verfassern gesammelt. — Frankfurt am Main, Hamburg, 1965.

Grümmer G. Die Rätselspiele [Electronic resource] // Grümmer G. Spielformen der Poesie. — Leipzig, 1985. S. 135–154. — Mode of access: www.derfaulepoet.de.

IEW — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bern, München : Francke Verlag, 1959. Bd. 1–2.

Jolles A. Einfache Formen : Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Sprüche / vierte Aufl. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1968.

Panzer F. Das Volksrätsel // Spamer A. Die deutsche Volkskunde. 1. Band. — Leipzig : Berlin : 9. Stubenrauch, Verlagsbuchhandlung, 1934. S. 263–282.

Petsch R. Spruchdichtung des Volkes : Vor- und Frühformeln der Volksdichtung : Ruf, Zauber- und Weisheitsspruch, Rätsel, Volks- und Kinderreim. — Halle / Saale : Max Niemeyer Verlag, 1938.

Peuckert W.-E. Deutsches Volkstum in Märchen und Sage, Schwank und Rätsel. — Berlin : W. de Gruyter, 1938.

Röhrich L. Gesammelte Schriften zur Volkslied- und Volksballadenforschung. — Münster ; New York; München ; Berlin, 2002. — S.165–201.

Tomasek T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter. — Tübingen, 1994.